

АНДРЕЙ АФАНАСЬЕВ

**СВЯЩЕННАЯ
ВОЙНА**

ЗАПИСКИ ВОЕНКОРА

МОСКВА

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А94

Компьютерная верстка
и художественное оформление *Радика Муртазина*

Афанасьев, Андрей Сергеевич.

А94 Священная война. Записки военкора / Андрей Афанасьев. — Москва : Эксмо, 2026. — 288 с. — (Борис Корчевников и телеканал «СПАС». Совместный книжный проект).

ISBN 978-5-04-220841-6

«Священная война. Записки военкора» — откровенный и глубокий взгляд на современную войну, рассказанный через призму личных историй, фронтовых будней и духовных исканий. Автор ведёт читателя от первых разговоров со смертью до переживаний на линии боевого соприкосновения, раскрывая сложные грани конфликта, от геополитики до человеческих судеб.

Перед вами — повествование об испытаниях души, где каждый выбирает: служить злу или стать участником священной борьбы за правду и защиту невинных.

Через главы, наполненные яркими эпизодами — от военного духовенства до героев с именами Святых, — раскрывается не только действующая реальность, но и глубинные вопросы морали, веры и судьбы народа. Особое место занимают рассказы о крестном ходе телеканала «СПАС» вдоль линии фронта, служении военных священников и людях, которые своим примером вдохновляют и учат быть сильными в испытаниях.

«Вы держите в руках книгу, в которой очень редкий взгляд на эту войну: взгляд в Духе Святом. Только в нём эта война открывается как Священная. И только он на самом деле даёт понять главные смыслы и причины драматических событий, которые проживает сейчас наша страна», — Борис Корчевников, телеведущий, генеральный директор телеканала «СПАС».

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Некоммерческая организация Фонд православного телевидения, текст, 2025

© Афанасьев А. С., текст, фото, 2025

© Всероссийское казачье общество, фото обложки, 2025

© Оформление ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-220841-6

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Разговор со смертью	7
Глава 2. Военные слухи	13
Глава 3. Дорожные истории	24
Глава 4. Испанский стыд	28
Глава 5. Геополитика	35
Глава 6. «Балаклея все»	40
Глава 7. Твиттер-революции	42
Глава 8. Троичная структура общества	48
Глава 9. Новая элита	55
Глава 10. Мой 2014-й	59
Глава 11. Проводник	67
Глава 12. Русские подснежники	89
Глава 13. Военное духовенство	95
Глава 14. «Японец»	101
Глава 15. Мариуполь. Пыточная	111
Глава 16. Спас Нерукотворный	122
Глава 17. Попасная	128
Глава 18. Специалисты-смежники	143
Глава 19. Подразделения с именами святых	146
Глава 20. «Колос» и «Пилот»	167
Глава 21. Идейные враги	175
Глава 22. Невидимые нити	203
Глава 23. Священная война	206
Глава 24. Лица и лики	244
Глава 25. Крестный ход телеканала «СПАС» вдоль линии боевого соприкосновения	265
Послесловие от автора	283

Также услышите о войнах и о военных слухах. Смотрите, не ужасайтесь, ибо надлежит всему тому быть, но это еще не конец.

Евангелие от Матфея (Мф 24:6)

ГЛАВА 1.

РАЗГОВОР СО СМЕРТЬЮ

Лето 2023 года

Донецкая земля летом похожа на рай. Богатый чернозем и теплый влажный воздух с Азовского моря делают ее одним из самых благодатных мест не только для сельского хозяйства, но и для жизни вообще. Воткнешь в землю черенок от лопаты — прорастет и начнет плодоносить. Северное Причерноморье и Приазовье, колыбель славянства. Курганы вокруг — насыпи над древними захоронениями наших предков, скифов, чьи вожди и цари всю жизнь проводили в седле, сражаясь в битвах. Хотя под ногами — такая благодатная земля. Вот и на наш век пришлось еще одна война, снова на этом же богатом, густом и липком, как вареная сгущенка, черноземе.

Мы приехали на Угледарское направление к югу от Донецка, в одно из подразделений, сформированных из донецких резервистов — плоть от плоти этой земли. Батальон выбрал себе имя «Дмитрий Донской» — с таким небесным покровителем можно смело совершать любые воинские подвиги. Быстро преодолеваем расстояния между населенными пунктами, ускоряясь на открытой местности и переводя дух в посадках, заодно и двигатель немного остынет. Жарко. Машины, как и люди, на войне работают на пределе своих возможностей.

Приехали, выпрыгнули из салона и кузова старенького пикапа съёмочная группа и военные из числа сопровождающих. «Привет!», «Здравия желаю!», «Ну шо вы, как вы?» — перенимаем мы местные обороты. Обнимаемся как с родными. Это подразделение — одно из самых радушных, всегда тепло встречают, делятся новостями. Кажется, что вроде как мы, приехавшие из Москвы журналисты, должны подбодрить бойцов и офицеров, чем-то помочь, а получается наоборот — они делятся с нами и душевным теплом, и обедом. Горячим, наваристым супом, совсем по-домашнему. В зоне боевых действий приготовленная по-домашнему пища считается хорошим тоном в подразделениях, ведь по дому скучает каждый военный.

Офицер из числа сопровождения загадочно щурится за тарелкой супа:

- У нас есть подарок для вас, Андрей. Журналисты ведь любят эксклюзивы?
- Конечно любят! Что за эксклюзив?
- Недавно взяли трофей — броневедомоцикл «Козак» украинского производства. Полностью на ходу. Хотите прокатиться?

— Естественно, хочу!

Пообедав, выходим из штаба. Поют цикады, ветер играет степным разнотравьем, как расплетенной девичьей косой, припекает солнышко. Благодать! Вдруг совсем рядом слышу работу артиллерии.

— Сколько здесь до ЛБС?

— Меньше трех километров, если по прямой. Давайте не будем задерживаться. «Птички» всю лето летают.

Три километра. Пять минут на машине или полчаса пешком. Это как от меня до Пашки, моего друга-одноклассника, жившего в соседнем районе Москвы! Только там не Пашка, а Павло. И он не хочет гулять, он пришел «резать русню».

Попасть в те места, где мы оказались, — нечастая удача для военного корреспондента, а снять трофейную украинскую технику, да еще и прокатиться на ней — вообще успех. Пролетаем несколько минут в пикапе в сторону хорошо замаскированной «автобазы», на полной скорости въезжаем в кусты рядом со зданием. Летом зелень — настоящее Спасение с точки зрения маскировки. Нашел рощу погуще — и залезай туда, как медведь, прячься и от лишних глаз, и от объективов беспилотников противника.

Из укромного места выкатывается трофейный броневладелец. В сравнении с нашим стареньким японским пикапом он выглядит скорее как огромный грузовик. Снова где-то недалеко гроыхнуло. Сопровождающий офицер поторапливает: «Давайте быстро в машину и поедем, мы не в самом тихом месте». Забираемся в туловище этого кита на колесах. Сиденья неширокие и жесткие, окна-бойницы предназначены явно не для любования пейзажами. Решаюсь поснимать

сверху на специальную камеру, закрепленную у меня на виске — такие кадры получаются самыми динамичными. «Козака» нещадно трясет на проселочной дороге, я изо всех всех сил упираюсь ногами в лестницу люка, чтобы не потерять равновесие, за щиколотки меня придерживают военные. Вокруг полуразрушенные здания, следы продолжающихся боев. Кадры получаются атмосферные.

Вдруг впереди по нашему направлению я замечаю небольшой столб пыли, как будто из земли ударил небольшой гейзер. Мина? Да вряд ли, показалось, да и характерного свиста не было. Крадемся дальше по дороге, скорость невысокая из-за ухабов. Еще один столб! Еще ближе к нам, виден еще отчетливее.

— Ребят, мне кажется, впереди прилет, — кричу я в люк остальным.

— С чего ты решил?

— Там два столба пыли поочередно появились, прямо по нашему направлению. Но странно, свиста нет.

Сопровождающие изменились в лице, буквально сдернули меня вниз и крикнули водителю: «Быстро разворачивайся, по нам работает миномет!»

Уже позже я узнал, что у противника на вооружении есть польские минометы, которые наши военные считают одним из самых неприятных видов вооружения. Снаряды для них не имеют хвостовика, как 82-миллиметровые мины отечественного образца, а значит, и не издают характерного звука при приближении.

В этот момент я не испытывал абсолютно никакого страха, поднявшаяся пыль на дороге по направлению нашего движения не вызывала каких-то сильных эмоций, а между тем в этом облаке, возможно, была наша

смерть или серьезное ранение. Уже позже, анализируя ситуацию, мы поняли, что противник пристреливался как раз по нам, и продолжи мы движение в том же направлении — следующая мина стала бы нашей.

Бог милостив.

В тот момент смерть была ближе, чем когда бы то ни было, а я по неопытности даже не понимал степень опасности. По тебе готовятся ударить, а ты этого даже до конца не понимаешь, потому что выглядит это не как в игровом кино или даже документальном фильме о войне. Такая беспечность наступает как раз после первых нескольких командировок в зону боевых действий, когда тебе кажется, что ты уже в чем-то разбираешься и можешь «играть по-взрослому». Война не прощает ни беспечности, ни трусости.

Квадрат, в котором мы подверглись обстрелу, стал одним из самых горячих участков фронта в ходе так называемого «контрнаступа» ВСУ летом 23-го. Ничем выдающимся для нашего противника он не закончился, однако обеим сторонам пришлось довольно тяжело. На той же самой дороге был подбит огнем вражеской артиллерии и трофейный «Козак». Машина восстановлению не подлежала, поэтому было принято решение не эвакуировать кузов, оставив на обочине. Обгорелый остов броневедомобиля спас немало жизней нашим ребятам: его использовали как укрытие при эвакуации раненых, особенно часто этим пользовались штурмовики одной из бригад морской пехоты, сражавшиеся на этом направлении.

Размышляя над этим личным эпизодом столкновения со смертельной опасностью, я сформулировал для себя одно из определений духовного состояния

человека на войне: это разговор с собственной смертью. Если у меня, чья деятельность не связана с постоянным пребыванием в зоне боевых действий, случился такой эпизод, то сколько их у людей военных? В обыденной жизни мы не часто размышляем о том, как уйдем из этого мира, а вот там, на войне, такие мысли тебя посещают довольно часто. И от того, как быстро ты сможешь выработать трезвое и спокойное отношение к этому, зависит, насколько ты вообще пригоден к присутствию в зоне боевых действий. Способность найти тонкую грань между бездумным геройствованием с одной стороны и обычным человеческим малодушием с другой — пожалуй, главное искусство, которому нужно учиться. Иными словами, на войне нужно не только выполнять боевые задачи, но и размышлять.

ГЛАВА 2.

ВОЕННЫЕ СЛУХИ

Лето 2011 года

«Нашему поколению точно придется воевать». Эта фраза показалась странной всем моим друзьям, сидевшим у костра. Теплая майская ночь, на севере Подмосковья совсем светлая, не белая, как в Петербурге в июне, но «серая». Солнце садится на западе и заревом проходит небосвод через север, чтобы снова взойти на востоке. Можно гулять в сумерках хоть до рассвета. Мы сидим у костра, доедаем шашлык, выпиваем и разговариваем обо всем подряд. На определенном этапе застолья разговор русских людей в такой ситуации переходит в политическую, а оттуда — в религиозную плоскость. Так произошло и в этот раз. Мы — друзья-одноклассники, человек семь или восемь, — сохранили дружеские отношения за университетские годы, в 2011 году все получили дипломы и устроились на работу. У каждого престижное и перспективное место. Я на тот момент уже год как трудился на Russia Today, был, как мне казалось, в курсе всех мировых событий и делился своими соображениями с друзьями детства, которые от политики всегда были несколько далеки. Общий смысл моих слов можно было свести к фразе «Нас не оставят в покое и обязательно постараются добить после 1991 года».

Я жил с этим тревожным ощущением с детства. Было какое-то смутное предчувствие если не катастрофы,

то очень трудных испытаний, которые суждено будет пройти в полной мере именно моему поколению — родившихся на сломе эпох: в конце 80-х и начале 90-х. Сейчас, наверное, некоторые на такие мысли ответят что-то про непроработанные детские травмы или еще что-то околпсихологическое. Возможно, это следствие как раз детства в условиях бандитских войн на улицах города, унижительной разрухи и трещащей по швам страны. Дети не всегда понимают умом, что происходит, но тонко считывают эмоциональное состояние окружающих, особенно семьи. Не могу сказать, что я боялся этой грядущей войны, скорее ждал — ведь «надлежит всему тому быть», как говорит Христос в Евангелии. А если «надлежит», то что бояться? Надо быть готовым.

«Да ладно гнать, Андрюх! Мир изменился, сейчас если война и будет — это две ракеты, летящие навстречу друг другу, города в труху, ну а потом „Безумный Макс“ для выживших». Именно такую, крайне распространенную картину мира выдали мне на-гора приятели. Я вспоминаю это без насмешки или осуждения, признаться, и сам так думал. А как можно было считать иначе? Понятное дело, что если война и будет, то между нами и Западом, а точнее США, кому еще воевать-то? Если и у них и у нас есть ядерное оружие, причем два самых больших арсенала в мире, значит, к этому все и придет. У кого-то «на самом верху», а может, в нашем или американском генштабе сдадут нервы, дрогнет рука — и дальше как в фильмах-катастрофах. Из шахт и с подлодок в небо вылетают огромные ракеты, сначала на зловеще маленькой скорости, потом стремительно ее набирают — взрывы, миллионы смертей в одну секунду,

ну а дальше один из сценариев все тех же голливудских фильмов, от «Матрицы» до «Власти огня». Мышление нашего поколения было практически полностью сформировано западной культурой, и фантазии не хватало на что-то, кроме их сценариев. Тогда никто особо еще не говорил ни о гибридных войнах, ни о «мятежевойне», описанной еще в середине XX века,— все военные термины, которые сейчас на слуху у обывателя, тогда были достоянием узкой группы специалистов.

Начало 2010-х — это время окончательного закрепления главенствующей роли социальных сетей в мире, в том числе и у нас. У каждого в кармане появилось его персональное окно в океан мировой информации — смартфон. До этого мы ныряли туда, только оказавшись за компьютером, — несколько часов в день, да и то если получалось. Теперь же информация стала сопутствовать нам буквально везде, и из глубин этого океана в каждое маленькое окошко-смартфон с первых дней цифровой революции пристально смотрели глаза огромных чудовищ. К такому заключению мы с коллегами начали приходить, когда освещали события «Арабской весны» — череды цветных революций, захлестнувших север Африки и Ближний Восток. Их называли еще «твиттер-революциями», потому что для координации действий протестующих уже тогда, почти полтора десятка лет назад, использовалась эта американская социальная сеть. И вот насмотревшись на ужасы тех событий, я понял, что, видимо, есть способ устроить нечто подобное и нам. Как это конкретно будет, конечно, никто сказать не мог: сначала внешний конфликт, а потом подрыв общества изнутри с помощью информационных манипуляций или, наоборот, —

сначала революция внутри России, а после нее уже вторжение противника. Один сценарий тревожнее другого. Мне не давал покоя один текст, который я прочитал в Живом Журнале (была такая старая социальная сеть для тех, кто любил читать и писать). Он назывался «Что делать в случае войны». Написал ее ветеран Чеченской кампании, военный эксперт Денис Мокрушин, использовавший псевдоним tworer. Приведу некоторые выдержки.

Что делать в случае войны

...Вот допустим, НАТО нанесло первый удар. Частью ядерный, но в основном нет.

Ну наши там вяло в ответ, получилось плохо, танки переходят границу, передовые части опрокинуты, смяты, частью уничтожены, бегут на восток. Сопротивление минимальное, «Абрамсы» прут на Москву.

Вот тут начинается некоторое расхождение между представлениями хомячков и реальностью.

На самом деле, когда подобная тема осознается где надо, случится следующее.

В твою дверь позвонят.

Открыв ее, ты увидишь похмельного мента, еще более похмельного летеху и пару солдат.

Тебе вручат повестку и скажут, что приказом Верховного главнокомандующего ты призван на военную службу. И должен собрать вещи и выйти из хаты прямо сейчас, иначе тебя арестуют.

Понимая, что их больше и они вместе сильнее, ты подчиняешься и, одетый во что попало, с парой смен белья и носков, выйдешь во двор.

Там будет стоять автобус. Старый и покоцанный. Или два.

В нем будут сидеть твои соседи — те самые, которых ты каждый день видел на парковке, когда приходил туда за своей «Короллой» утром.

Вас свезут в ближайшую учебку. Они сейчас не считаются учебками, но восстановить недолго.

Правда, в казармах будет не хватать окон, и укрываться ночью придется матрасом, но это не смертельно.

Тебя наскоряк обучат. Ты выроешь пяток-другой окопов «в рост». Отстреляешь три-четыре сотни патронов из АК, несколько десятков раз кольнешь штыком иссохшееся чучело.

Кинешь муляж гранаты. Раз десять.

Один раз тебе придется бежать по полю под взрывы петард, на ходу стреляя холостыми.

Потом то же самое ты сделаешь ночью под висящими в небе осветительными снарядами, не до конца понимая, что ты делаешь.

Там, правда, будут парни, которые сделают по два десятка выстрелов из граника. Но ты — нет.

А потом вас погонят на войну.

Такие, как ты, в условленном месте встретят других — которые стреляли из пушек, вытащенных со складов хранения — на одной из них ты увидишь клеймо «1956».